

Н.Ю. Сивкина

ДВА ЭТОЛИЙСКИХ РЕЙДА В ПЕЛОПОННЕС НАКАНУНЕ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 220–217 ГГ. ДО Н.Э.

В 220 г. до н.э. в Греции вспыхнула война между Ахейским и Этолийским союзами, вошедшая в литературу как Союзническая. В боевых действиях на стороне ахейцев сражались македонские войска под руководством молодого царя Филиппа V, поскольку македонский правитель одновременно был гегемоном Эллинской лиги, образованной в 224 г. рядом греческих государств и Македонией. Филипп был вынужден вмешаться в греческие дела согласно условию договора лиги, которое гласило, что в случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться за помощью κατὰ τὰς ὁμολογίας (Polyb. IV, 15. 1 sq.).

Поводом к войне послужила перемена внешнеполитического курса Мессении, которая благодаря дипломатическим усилиям Арата – стратега Ахейского союза – разорвала союзные отношения с Этолией и заявила о намерении вступить в Эллин-

⁵³ Справедливости ради следует отметить также присутствие черепицы из других центров, но все же в значительно меньших размерах, чем из Синопы.

⁵⁴ Русяева А.С. Ольвийская демократия // Археология. 1994. № 2; Суриков. Ук. соч.; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. Гл. 2.

скую лигу¹. Вполне вероятно, военных действий еще можно было бы избежать. Однако два дерзких рейда этолян в Пелопоннес в 220 г. до н.э., один из которых закончился сражением при Кафиях и поражением ахейцев, а второй – разгромом Кинефы, сделали невозможным урегулирование конфликта мирным путем.

Полибий (IV. 7. 7–10; 9) излагает предысторию битвы при Кафиях следующим образом. В середине мая 220 г. до н.э. произошло всеахейское собрание. На нем были заслушаны жалобы на этолийцев, которые переправились в Пелопоннес и, двигаясь в мессенские земли, не получили права *diobos* (разрешения на проход через ахейскую территорию), нанеся, кроме того, немалый ущерб и разорение жителям Патр и Фар². Собрание постановило созвать ахейское войско и выступить против этолийцев.

Но ахейский стратег Тимоксен, срок полномочий которого почти истек, уклонился от похода. Согласно Полибию, причина этого кроется в том, что Тимоксен низко оценивал боеспособность ахейцев, которые после Клеоменовой войны не усердствовали в военных упражнениях. Это подтверждается и указанием Плутарха (Arat. 47) на «легкомыслие ахейцев, которые, привыкнув ждать спасения от чужих рук и прятаться под защитой македонского оружия, предавались праздности и бездействию». Тогда выбранный стратегом на следующий год Арат, негодуя на бездействие Тимоксена, за пять дней раньше срока принял у него государственную печать и созвал ополчение (ср. Plut. Arat. 47).

После этого Арат отправил послов к вторгшемуся этолийскому отряду, требуя немедленно покинуть территории Мессении и Ахейского союза; в противном случае он угрожал начать военные действия. Скопас и Доримах, предводители этолян, предпочли подчиниться. Они отправили вестников к этолийскому стратегу Аристону с просьбой срочно прислать *τὰ πορτῆα* (транспортные суда) к берегам дружественной им Элиды. Через два дня они с добычей двинулись в Элиду.

Изложение дальнейших событий у Полибия (IV. 10–12) выглядит несколько сомнительно. Приведенные им планы и мотивы Доримаха – конечно, выдумка проахейски настроенного автора, но некоторые факты требуют тщательного анализа. Арат, поверив в отступление этолян, распустил войско, оставив при себе только 3 тыс. пехоты, 300 всадников и отряд македонского офицера Тавриона³ (насчитывавший, вероятно, не более 1000 человек). Они двигались на север, в направлении Патр, параллельно этолийцам. Узнав об этом и опасаясь нападения, Доримах спешно отправил добычу на суда в сопровождении большого числа воинов для прикрытия погрузки.

Тем временем ахейцы, видимо, продвинулись дальше на север и остановились у Клейтора. Доримах, отправив транспортные корабли, тоже двинулся на север, намереваясь сесть на суда у Риона. По дороге, узнав, что ахейцы стоят у Клейтора, преграждая путь этолийцам, он якобы решил первым напасть на ахейян, пользуясь тем, что сил у врага немного, и подозревая, что ахейцы не позволят им переправиться без боя. Но после такого решения этолийцы неожиданно повернули на восток – к Мега-

¹ Мессения – союзница Этолии с конца 240-х годов до н.э.: Syll.³ 472; Polyb. IV. 3. 9; 6. 11; Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз // НН. 1990. С. 33. О сближении с Ахейским союзом см. Tac. Ann. 4. 43; Polyb. II. 61. 4; 62. 10; IV. 5. 8; 16. 1; Plut. Cleom. 24; Paus. IV. 29. 9; Fine J. The Background of the Social War of 220–217 B.C. // AJPh. 1940. 61. P. 155; Roebuck C. A History of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 70 f.; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. V. I. Oxf., 1957. P. 453. Возможно, ахейцы и мессеняне заключили союз (συνσάχια: Polyb. IV. 9. 5, 7; 15. 9; Walbank. A Historical Commentary... P. 456; Roebuck. Op. cit. P. 74 f.; Fine. Op. cit. P. 160.

² Ср. Plut. Arat. 47: Плутарх в числе ограбленных земель называет территорию Патр и Димы. Однако Дима лежит явно в стороне от пути этолийского отряда. В другом фрагменте (IV. 6. 9) Полибий к разоренным областям Патр и Фар добавляет Тритею, также лежащую в стороне от дороги на Фигалею – плацдарма для нападения на Мессению. Возможно, речь идет не о неточности авторов, а о том, что этолийцы, переправившись в Пелопоннес, разделились на несколько отрядов, предпринявших самостоятельные действия и соединившихся затем в Фигалею.

³ Таврион при Кафиях мог отсутствовать: Walbank. A Historical Commentary... P. 458 f.

лополю. Проходя мимо Орхомена, этолийцы узнали, что ахейцы уже продвинулись к Кафиям и стоят в боевом порядке на равнине, и не пожелали вступать в бой, а двинулись в горы. Тогда Арат отдал приказ атаковать арьергард. Так началось сражение при Кафиях. Контратака этолян, стоявших на высотах, оказалась удачной: ахейская фаланга не выдержала удара и побежала. Этолийцы затем двинулись дальше через Пелопоннес, попытались взять Пеллену, опустошили поля сикионян и ушли домой через Истм. После этих событий ахейцы отправили послов к македонскому царю Филиппу и другим союзникам с просьбой о помощи (Polyb. IV. 15. 1–2; Plut. Arat. 47).

В данном изложении событий затруднительно понять планы Доримаха и Арата: версия Полибия содержит ряд противоречий. С одной стороны, можно предположить, что Доримах действительно собирался без боя покинуть Пелопоннес⁴. Но если принять эту точку зрения, то возникают следующие вопросы: почему он не сделал этого, отпустив корабли, увозившие добычу и основную часть этолийского войска? Если он по каким-то причинам все-таки был вынужден идти к Рionу, чтобы там сесть на суда, то зачем он отклонился от пути на север и спровоцировал этим ахейцев? Кроме того, судя по остротному поведению в Пелопоннесе, войско Доримаха было не очень велико. Тем более убедительным выглядят попытки уклониться от столкновений с противником. Тогда не вполне ясно, зачем было рисковать и тратить время на Пеллену и Сикион, лежащие в стороне от пути к Истму. И почему ахейцы с таким упорством преследовали этот небольшой отряд?

Если Арат, со своей стороны, хотел избежать сражения, то закономерно возникает другой вопрос: зачем он напал на этолян при Кафиях, тем более – зачем было нападать в неудобном (прежде всего для ахейцев) месте? Если же столкновение Арату было необходимо⁵, то весьма странно выглядит роспуск ахейского войска накануне битвы, ибо стратег остался лишь с небольшой его частью. Пожалуй, в данной ситуации действия Арата позволяют утверждать, что в столкновении были заинтересованы именно ахейцы. Действительно, Арат считал, что настало время вступить в единоборство с Этолийским союзом за преобладание в Греции. Обстоятельства сложились благоприятно: македонский царь Филипп еще молод и находится под огромным влиянием Арата (Plut. Arat. 46, 48), что позволяло надеяться на реальную возможность использования македонских сил в интересах ахейян.

Нужен был лишь благоприятный предлог для начала войны, причем первый удар должны были нанести этолийцы. На этот шаг Арат спровоцировал их, открыто ведя переговоры с их старым союзником Мессенией. Этолийцы пытались устрашить бывшего союзника и начали тревожить набегами Пелопоннес. Однако Арат понимал, что македонский царь едва ли нарушил бы мир с этолянами ради государства, не входившего в Эллинскую лигу. Другое дело, если обиженной стороной окажется союзник⁶, тем более ахейцы. Поэтому, несомненно, выгоды из этого столкновения Арат извлек. Как он, вероятно, и замышлял, ахейцы втянули в войну всю лигу. Таким образом, битва при Кафиях подтолкнула начало Союзнической войны.

Но в таком случае вполне обоснованно можно сделать и другие предположения. Например, Арат не случайно шел параллельно этолийским войскам – он выискивал повод для нападения, так как именно он первым напал на противника у Кафий. Тогда можно говорить и о сознательном роспуске ахейского войска Аратом, ибо он и не собирался побеждать в сражении. Следовательно, у Доримаха и Скопаса были все основания полагать, что им не удастся уйти из Пелопоннеса без сражения. Иными словами, этолийцы в данном конфликте оказались жертвой агрессивной политики Арата. Но это едва ли было так.

⁴ Ibid. P. 458 f.; Larsen J. The Aetolian-Achaean Alliance of 238-220 B.C. // CIPh. 1975. 70. P. 170.

⁵ Roebuck. Op. cit. P. 73 f.; Larsen. The Aetolian-Achaean Alliance... P. 170.

⁶ Согласно договору Эллинской лиги, обязательным условием македонской помощи должно было стать нападение какого-то государства на территорию члена лиги (Polyb. IV. 15. 2).

Не следует забывать, что Доримах мог покинуть Пелопоннес без боя, если бы отплыл вместе с остальной частью этолийцев. Полибий указывает (IV. 10. 1), что у Арата не было сомнений на этот счет. Именно этим можно объяснить факт роспуска ахейского войска и остановку у Клейтора, т.е. значительно севернее, чем происходила погрузка этолян. Арат, видимо, не предполагал, что отряд Доримаха не покинет полуостров.

Маршрут этолийцев – сначала на север, а потом в Мегалополиду – примечателен. Конечно, поворот в Мегалополиду мог быть вызван опасением, что стоявшие у Клейтора ахейские войска отрежут этолян от моря⁷. Поэтому Доримах был вынужден избрать другой путь – на восток, к Истму, что, казалось бы, говорит о стремлении избежать столкновения. Но уклониться от боя ему не удалось, так как ахейцы, двигаясь на юго-восток, пытались отрезать и этот путь. Но, говоря о маршруте, следует обратить внимание на некоторые факты. Во-первых, до разгрома ахейян источники не сообщают об этолийских грабежах в Пелопоннесе. Во-вторых, этолийцы намеренно отклонились с дороги к Пеллене и Сикиону после победы при Кафиях. Это была явная демонстрация силы, ибо небольшой отряд покинул вражескую территорию с добычей в руках. Известно, что этолийцы славились своими грабительскими набегами⁸.

Собственно говоря, их предприятие в Мессении, хотя и преследовало политические цели, по сути было грабительским (Polyb. IV. 3–4; 6. 11–12). Не менее существенным кажется то обстоятельство, что в течение нескольких лет (точнее, с 224 г.) этолийцы были вынуждены отказаться от пиратских рейдов и набегов. Дело в том, что при заключении Эллинской лиги договор предусматривал не только оказание помощи союзнику, но, видимо, гарантировал мир и свободу мореплавания (Polyb. IV. 3. 1–3). Фактически это означало лишение Этолии ее традиционных средств существования. Поэтому, когда Доримах и Скопас, не дожидаясь союзного собрания и без соблюдения соответствующей процедуры, пошли на возобновление старой политики, это было благосклонно встречено согражданами (Polyb. IV. 5–6). Более того, говоря о подготовке Доримаха и Скопаса к вторжению в Мессению, Полибий (IV. 6. 8) упоминает συναθροίσαντες πανδημίαι τοὺς Αἰτωλοὺς, т.е. собранное этолийское ополчение⁹. Поэтому удивителен сам факт прекращения грабежей до битвы при Кафиях. Это позволяет говорить о том, что отряд Доримаха мог преследовать какую-то иную цель, даже более значимую, чем разорение пелопоннесских земель.

Скорее всего, этолийцы виновны в развязывании войны не менее ахейцев. Если Арат считал момент для начала боевых действий благоприятным, то таким же его видели и этолийцы (Polyb. IV. 3. 3). Македонский царь был слишком молод, неопытен в военных делах и дипломатии, чтобы играть какую-то существенную роль в греческих делах. Столкновение с одним Ахейским союзом, вероятно, не вызывало их опасений. Реальную угрозу представляла лишь вся Эллинская лига¹⁰.

Маневры Доримаха в Пелопоннесе можно истолковать как испытание лиги на прочность. Характерно, что и после битвы при Кафиях все обвинения в адрес Этолии союзники ахейян восприняли спокойно. Полибий (IV. 16. 1–2) пишет, что «союзники первое время возмущались, хотя не особенно удивлялись, ибо в поведении их не было ничего необыкновенного, напротив, это было в привычках этолян».

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что Доримах сознательно не покинул Пелопоннес, когда ему предоставилась такая возможность. Он, обеспечив отправку уже награбленного, вероятно, преследовал политическую цель, разведы-

⁷ Walbank. A Historical Commentary... P. 459.

⁸ Larsen J. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxf., 1968. P. 210 ff.

⁹ Конечно, это преувеличение, как справедливо указал Ф. Уолбэнк (A Historical Commentary... P. 455), но силы, вероятно, были собраны значительные.

¹⁰ Roebuck. Op. cit. P. 72; Tarn W. The Greek Leagues and Macedonia // C.A.H. V. 7. 1928. P. 763; Walbank F.W. Macedonia and the Greek Leagues // C.A.H.². V. 7. 1984. P. 474 f.; Lehmann G. Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. Münster, 1967. S. 341 f.

вая состояние боеготовности предполагаемого врага. Одновременно он мог рассчитывать, что и сам не вернется домой с пустыми руками. Поэтому едва ли следует говорить о том, желал ли Доримах столкновения с ахейцами или нет: он был готов к нему.

Возможно, предложенная ниже речь Доримаха не имела места в действительности, но она наиболее точно характеризует политику этолийцев. Еще до вторжения в Пелопоннес Доримах, как утверждает Полибий (IV. 5. 7), говорил: «Что касается ахеян... то, препятствуя проходу этолян, они не должны будут жаловаться, если встретят отпор...; если же они останутся в покое, то замыслы этолян осуществлять».

Таким образом, с одной стороны, столкновение с ахейцами, конечно, было нежелательным для этолийского отряда: отсюда, вероятно, столь осторожные выборы пути. Но в случае необходимости они не стали уклоняться от боя, как показала битва при Кафиях. Доримаху нельзя отказать в военных способностях. Полибий (IV. 11. 4) признает, что равнина у Кафий была неудобна для сражения: ее пересекала река и труднопроходимые рвы. Именно эти обстоятельства побудили Доримаха направиться в горы, тем самым он поставил ахеян в совершенно невыгодные условия, что и решило исход битвы. Но, с другой стороны, вполне можно утверждать и то, что разгром ахейского войска был необходим этолийцам. Полибий (IV. 10. 8) совершенно прав, говоря, что после этого можно было без опасения заняться грабежом.

Иными словами, разведка состояния дел в Пелопоннесе и жажда наживы подтолкнули этолян во главе с Доримахом к изменению первоначальных планов. Арат, видимо, ожидал мирного разрешения конфликта, о чем свидетельствует роспуск ахейского войска и отход к Клейтору. Известие же о передвижениях Доримаха, вероятно, подтолкнуло Арата к попытке остановить продвижение противника по союзной территории. С этой целью войска Арата и Тавриона двигались наперерез Доримаху, отрезая этолянам все пути к отступлению. Неудивительно, что теперь Доримах думал прежде всего о том, как покинуть Пелопоннес с наименьшими потерями. Когда он отказался от сражения на равнине и стал подниматься в горы, у него появился шанс обогнать ахеян и покинуть полуостров. Но Арат уже не мог этого допустить. Именно поэтому, невзирая на невыгодное положение, он и напал на противника.

Таким образом, обе стороны были готовы к столкновению и, вероятно, уклоняться от него не собирались, хотя каждый из них преследовал свои цели. В этом сражении противники испытали силы друг друга. Но наибольшие выгоды сумел извлечь Арат, далеко идущие замыслы которого Доримах едва ли мог предполагать: не остановив этолийцев собственными силами, Арат смог представить их нарушителями мира.

Однако непосредственно к объявлению начала войны привело другое событие – инцидент в Кинефе. Согласно Полибию (IV. 17–19), в аркадском городе Кинефе проахейская правящая партия с разрешения ахейцев позволила изгнанникам вернуться на родину. Вероятно, изгнанниками были сторонники спартанского царя-реформатора Клеомена¹¹, вынужденные покинуть родину после окончания Клеоменовой войны в 222 г. до н.э. В городе был поставлен ахейский гарнизон, однако в 220 г. до н.э. после достигнутого соглашения и примирения сторон он был выведен. Вернувшиеся домой граждане приняли активное участие в жизни города, некоторые из них были избраны на должность полемархов (οἱ δὲ πολέμαρχοῦντες τὸν φυλάδων...).

Однако, следуя Полибию (IV. 17. 10), изгнанники по возвращении домой немедленно замыслили сдать город этолийцам. Изменники из числа полемархов убили своих коллег и открыли ворота этолийским войскам под командованием Доримаха – активного участника предыдущей кампании, закончившейся сражением при Кафиях. Население города, включая изменников, было перебито, имущество их было разграблено (Polyb. IV. 18. 7–8).

¹¹ Walbank. A Historical Commentary... P. 464.

Отсюда, оставив в Кинифе гарнизон, этолийцы двинулись на Лусы и намеревались даже похитить священные стада Артемиды и разграбить ее храм. Но лусиаты предпочли откупиться от них частью храмового имущества (Polyb. IV. 18. 9–12). Затем этолийцы безуспешно осаждали Клейтор (ibid. 19. 4). Не достигнув результата, они двинулись в обратный путь, по пути захватив стада богини. Вернувшись в Кинифу, они собирались передать город своим союзникам в Пелопоннесе – элейцам, но те отказались. Тогда Доримах решил оставить здесь этолийский гарнизон. Однако, узнав о приближении македонян, он предпочел поджечь город (Polyb. IV. 19. 5–6). Этолийцы отправились к Риону, а оттуда переправились домой.

В изложении и этого похода у Полибия довольно много спорных моментов. Во-первых, совершенно очевидно бездействие ахейцев, хотя этолийский отряд, двигаясь к Кинифе и обратно, дважды прошел через их территорию. Полибий (IV. 19. 1) указывает, что стратег Ахейского союза Арат в это время собирал войска и просил помощи у союзников. Однако историк противоречит своим же словам. Несколько выше (IV. 16. 6) он сообщает, что ахейское войско уже было набрано, а лакедемонянам и мессенянам уже был отдан приказ о доставке вспомогательных войск. В другом пассаже (IV. 19. 11) автор объясняет пассивность Арата воспоминаниями о поражении при Кафиях, намекая на тот факт, что стратег Ахейского союза был бездарным командующим.

Можно попытаться объяснить бездействие Арата его желанием выставить этолян явным агрессором¹². Конечно, принимая во внимание стремление стратега ахейян развязать войну со старым врагом и привлечь в нее на своей стороне силы союзников, прежде всего македонскую армию, такое объяснение было бы вполне приемлемым. Однако это предположение выглядит весьма спорно, если отметить, что битва при Кафиях началась с нападения именно ахейцев. Вызывает сомнение и тот факт, что Арат столь открыто продемонстрировал союзникам свою слабость. Выставляя этолян нарушителями общего мира, а себя – оскорбленной стороной и заступником общего дела, такой государственный муж, как Арат, просто обязан был попытаться прийти на помощь союзнику. Но, по утверждению Полибия, он даже не решился оказать сопротивление отряду пиратов. Можно обратить внимание и на тот факт, что разоренная этолийцами территория принадлежала союзнику, а не ахейцам. И это обстоятельство не давало оснований Арату утверждать о необходимости оказания помощи ахейцам со стороны остальных союзников. Таким образом, невмешательство в дела Кинифы должно было отрицательно повлиять на отношения ахейцев и их союзников. Арат продемонстрировал всем, что он не способен выступать гарантом мира и спокойствия в Пелопоннесе. Фактически своим бездействием он давал повод не только к оживлению разбойничьих набегов, но и к измене некоторых союзников. Едва ли Арат был способен на столь опрометчивый поступок. Но в таком случае его пассивность, видимо, была вызвана другими причинами.

Во-вторых, столь же странными на первый взгляд выглядят действия человека, прямой обязанностью которого было соблюдение мира в Пелопоннесе, – македонского офицера Тавриона. Полибий сообщает, что Таврион был назначен Антигоном Досоном «царским уполномоченным» в Пелопоннесе и принимал в этом качестве участие в Союзнической войне 220–217 гг. (IV. 6. 4; 10. 6; 19. 7). Как указывалось выше, он принял участие в битве при Кафиях на стороне ахейцев, хотя македонский царь Филипп V и после этого столкновения продолжал оставаться в мире с этолийцами (Polyb. IV. 16. 2–3). В войну он вступил только после официального ее объявления. И тем не менее, в битве при Кафиях вместе с ахейцами сражалось и войско Тавриона. Весьма сомнительно, чтобы македонский офицер, даже если он «заведовал делами в Пелопоннесе», мог самостоятельно принять участие в боевых действиях, хотя Македония официально войну не вела.

¹² В случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться за помощью катὰ τὰς ἀπολογίας (Polyb. IV. 15. 2).

Тогда возникает закономерный вопрос: на каком основании действовал Таврион? Объяснение, думается, одно: он мог действовать подобным образом только как «страж мира»¹³. Именно эта должность предусматривала самостоятельность действия на свой страх и риск и позволяла иметь достаточное для оказания помощи союзнику войско.

Но в таком случае представляется нелогичным его невмешательство в столь явное нарушение общего мира, как уничтожение Кинефы. Полибий сообщает, что Таврион получил известие о вторжении этолян и о судьбе Кинефы. Однако, вместо того чтобы самому поспешить с войском и остановить этолийцев, Таврион начал переговоры с иллирийцем Деметрием Фарским (Polyb. IV. 19. 7–9). Тот был занят опустошением Киклад (ibid. 16. 8), и его действия нельзя расценить иначе, чем как пиратские.

Именно этого авантюриста Таврион уговорил воспрепятствовать переправе этолян. Можно предположить, что Деметрий не столь охотно принял бы это предложение, если бы не соблазн отбить добычу, награбленную в Кинефе. Более того, Таврион даже обещал оплатить все расходы, связанные с перетаскиванием лодок. Однако переговоры, видимо, затянулись, и Деметрий опоздал к переправе этолян на два дня. Таким образом, можно отметить, что Таврион по каким-то причинам сам не смог отразить нападение этолян.

В-третьих, этолийцы в этом инциденте повели себя весьма неблагоприятно. Следует вспомнить предшествующие события и столкновение при Кафиях. Собственно, этолийское предприятие в Мессении тогда по сути было грабительским, но преследовало и политические цели (Polyb. IV. 3–4; 6. 11–12). Как уже отмечалось выше, этолийцы, так же как и Арат, считали момент для начала боевых действий благоприятным (ibid. 3. 3). Маневры Доримаха в Пелопоннесе можно истолковать как испытание лиги на прочность. Разгром ахейцев при Кафиях способствовал осознанию этолийцами своего преимущества над соперником. Поэтому после битвы при Кафиях этолийцы не только не прекратили набеги, но еще более дерзко стали вмешиваться во внутренние дела Пелопоннеса (ibid. 17; 25. 4–5).

Вероятно, у них появился шанс помешать ахейцам организовать против них единый фронт пелопоннесцев. В связи с этим иное значение приобретают сообщения, что этолийцы вступили в переговоры с изгнанниками из Кинефы (Polyb. IV. 17. 12), а потом осадили Клейтор, требуя, чтобы жители отложились от ахейян и вступили в союз с ними (ibid. 19. 2). Более того, до вторжения они вели переговоры и со спар-

¹³ Объединения, подобные Эллинской лиге, существовали в прежние времена, - это Коринфская лига Филиппа II и Эллинская лига Антигона Одноглазого. Союзная организация всех трех лиг имела много общего. Все они возглавлялись гегемоном, в роли которого выступал царь, высшим органом был синедрион - собрание представителей от всех участников лиги. Кроме того, в лиге Филиппа II, основанной в 338 г., существовали так называемые «стражи мира» (*Ps.-Dem.* XVII. 15), а в союзе Антигона, образованном в 302 г., была предусмотрена должность стратега «для общей стражи» (SVA III. 446. 68 sq.). Основной функцией этих должностных лиц была охрана существующего порядка. См. общие статьи о лигах: Кондрачук М.А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119; Фролов Э.Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62; он же. Панэллинизм в политике IV века до н.э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157–207; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd 2. München, 1944; Hammond N., Griffith G. A History of Macedonia. V. 2. Oxf., 1979; Hammond N.G., Walbank F.W. A History of Macedonia. V. 3. Oxf., 1988. В отличие от предшествующих союзов лига 224 г. имела некоторые особенности, отразившиеся на союзной организации. Так, в союзе 224 г. должность «стража мира» существовала, но единственным действовавшим в то время «стражем» был Таврион. См. также Сивкина Н.Ю. Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н.э. // Античное общество IV: власть и общество в античности. Материалы конф. антиковедов. СПб., 2001. С. 101–107.

танцами (ibid. 22. 5), и только появление македонского царя в Пелопоннесе не позволило им объединить силы.

Следует обратить внимание еще на одно событие: после ухода этолян из Пелопоннеса туда прибыл с войском македонский царь Филипп V. Полибий (IV. 22. 2) отмечает, что царь опоздал, но целью его похода было оказание помощи ахейцам. Однако не вполне ясно, когда и в связи с каким событием Македония решила оказать помощь союзнику. Дело в том, что в битве при Кафиях, как отмечалось выше, македонский царь участия не принимал. Более того, даже после этого столкновения ничего необычного в поведении этолян Филипп и союзники не усмотрели и приняли решение оставаться с ними в мире (ibid. 16. 3).

Пока этоляне осаждали Клейтор, Арат вновь обратился за помощью к Филиппу (Polyb. IV. 19. 1). Однако остаются не вполне ясными следующие моменты: кому требовалась помощь – ахейцам или союзникам и почему призыв был направлен в далекую Македонию? Ибо с самого начала было очевидно, что сбор войска и продвижение их в Пелопоннес должны были занять гораздо больше времени, чем требовалось Тавриону, находившемуся на полуострове. Неудивительно, что македонский царь прибыл с таким опозданием. Вероятно, об уходе этолян он был извещен еще по дороге в Пелопоннес, поэтому по прибытии он приказал собрать всех представителей союзников в Коринф (Polyb. IV. 22. 2), где обсуждался вопрос об агрессии этолян. Однако, пока делегаты собирались, Филипп направился в Спарту – еще один очаг недовольства в Пелопоннесе (ibid. 3–24).

По вопросу о членстве Спарты в Эллинской лиге мнения исследователей расходятся. Согласно одной из версий, Спарта после поражения в войне, т.е. в 222 г., стала членом лиги¹⁴. Полибий (IV. 24. 4–6) намекает на это в тексте речи Филиппа V, который говорит, что лакедемоняне пока ни в чем не провинились перед κοινῇ συμμοχία, а свои внутренние дела союзники могут улаживать сами. Кроме того, когда послы Эллинской лиги были отправлены по решению синедриона πρὸς τοὺς συμμοχοὺς для ратификации решения о войне с этолийцами (Polyb. IV. 26. 2), они прибыли и в Спарту (ibid. 34. 1). Согласно Полибию, после воцарения Филиппа V спартанцы вступили в переговоры с этолянами. Однако Доримах поспешил покинуть Пелопоннес до прихода македонских сил, что вызвало панику среди спартанских изменников. Стремясь предотвратить раскрытие своих планов, они организовали убийство промакедонски настроенных должностных лиц и многих других граждан.

Именно это убийство и привлекло внимание Филиппа, пока послы союзников собирались в Коринф. Примечательно, что в итоге виновные остались безнаказанными. Царь заявил, что он во внутренние дела государств лиги не вмешивается (Polyb. IV. 24. 4–6). Подобные действия Филиппа находят лишь одно объяснение: он желал

¹⁴ Самохина. Панэллинская идея... С. 109; Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd 4. B. – Lpz, 1925. 1 Abt. S. 718, Anm. 1; Fine. Op. cit. P. 152; Larsen. Greek Federal States... Oxf. P. 325; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.C.). V. 1. Nancy, 1966. P. 361; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und volkerrechtlichen Beziehungen. Lpz, 1937. S. 30; Walbank. A Historical Commentary... P. 457; Hammond, Walbank. Op. cit. P. 362; Errington R.M. A History of Macedonia. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1990. P. 183. Однако другие сведения Полибия позволяют усомниться в участии Спарты в союзе. Например, спартанцы не упоминаются в числе союзных делегатов в Коринфе (Polyb. IV. 25. 1–4). Б. Шимрон считает, что со Спартой был заключен договор, но это была симмахия «с Филиппом и македонянами», поскольку данные Полибия об этом, как он полагает, более внятные, чем об участии спартанцев в Эллинской лиге (Shimron B. Late Sparta. The Spartan Revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972. P. 68). Г. Бенгтсон полагает, что лишение Спарты независимости не входило в интересы ахейцев и македонского царя, им было достаточно изгнать Клеомена (Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. München, 1971. S. 49). Н. Хэммонд также высказывается за существование альянса Спарты с Антигоном Досоном, а не с Эллинской лигой (Hammond, Walbank. Op. cit. P. 372. Not. 1). В то же время В.Д. Жигунин полагал, что «Спарта как побежденная держава» вообще не могла быть членом лиги (Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 159).

продемонстрировать союзникам, что соблюдение условий договора для него намного важнее, чем потеря нескольких сторонников.

Таким образом, все приведенные выше спорные версии показывают, что дело вокруг разгрома Кинифы обстоит несколько сложнее, чем представлено у Полибия. Но все эти противоречивые данные, пожалуй, можно увязать в единое целое, если принять во внимание тот факт, что сам македонский царь действовал в качестве гегемона Эллинской лиги. Гегемон осуществлял политическое и военное руководство союзом, обладая обширными полномочиями, он владел правом созыва синедров (Polyb. IV. 22. 2; V. 28. 3; 102. 8–9), высказывал свои предложения (ibid. IV. 24. 5–8), председательствовал в совете (ibid. IV. 13. 7). Как военный глава союза он созывал войска союзных государств (ibid. V. 17. 9; 20. 1), вероятно, самостоятельно определяя стратегию и тактику военных действий, являясь главнокомандующим на войне.

Как полагал Ф.Г. Мищенко¹⁵, Союзническая война вообще была на самом деле войной Филиппа против этолийцев, а эллины, воевавшие на стороне Филиппа, были союзниками несвободными и покорными. Однако в настоящее время принято считать, что эллины в этой войне не были просто послушными сателлитами. Конечно, интересам македонского царя конфликт с Этолией не противоречил, если учесть возможность усиления македонского контроля в Греции в ходе войны. Однако одной из ее причин являлось то, что противостояние двух таких союзов, как Этолийский и Ахейский, должно было привести к конфликту между ними.

Достаточно вспомнить несколько фактов. Первые боевые действия велись одними ахейцами, а Филипп в это время продолжал оставаться в мире с этолийцами (Polyb. IV. 16. 3). После официального объявления войны Филипп не сразу вступил в нее, так как был занят подготовкой армии и защитой страны от дарданов на севере¹⁶. Сомнительно, что Филипп не был бы готов к войне, если бы сам развязал ее. Поэтому возможно лишь одно объяснение: война затевалась Ахейским и Этолийским союзами, а Филипп вступил в нее в силу союзнических обязательств. Его планы подчинения Греции в ходе большой войны, возможно, сложились позднее, когда боевые действия уже начались. Кроме того, о непричастности македонян к развязыванию войны говорит тот факт, что местом зарождения конфликта стала Мессения, которую к Эллинскому союзу привлек Арат, а не Филипп. Не стоит сбрасывать со счетов и подготовку к войне этолийцев. Прекращение грабительских рейдов довольно внушительно ударило по экономике этолян, что рано или поздно привело бы к возобновлению традиционных рейдов и, следовательно, к конфликту с Эллинской лигой.

Таким образом, достаточно ясно, что развязывание войны ни в коем случае не связано с политикой гегемона. В самом начале царствования Филиппа, когда он был еще молод, неопытен в военном деле и неискусен в дипломатии, основным принципом его руководства были идеи «Общего мира»¹⁷, провозглашенные при организации лиги.

Конечно, можно предположить, что Филипп V поступил так же, как в свое время Филипп II, провозгласив себя борцом за интересы эллинов, прикрыв этим лозунгом и свои собственные интересы. Однако, учитывая мягкую, компромиссную политику

¹⁵ Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 122.

¹⁶ Hammond, Walbank. Op. cit. P. 374.

¹⁷ Хотя в 224 г. до н.э. Эллинская лига была образована как *συναχία*, о чем Полибий неоднократно заявляет, историк упомянул и общеэллинский мир – *κοινὴ εἰρήνη* (IV. 3. 8). Едва ли автор имел в виду особый тип договора. Скорее всего, проводя аналогию с союзами 338 и 302 гг., основанными соответственно Филиппом II и Антигоном Одноглазым, во всех этих лигах имело место включение в договор о военном союзе нескольких положений из договора об Общем Мире. Характерными условиями Общего Мира являются следующие: 1) запрещение междоусобных конфликтов, 2) автономия греческих государств, 3) гарантия помощи в случае нарушения мира и 4) борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (IV. 3. 8; 15. 2; 16. 5; 24. 5).

его предшественника Антигона Досона¹⁸ и сильное влияние Арата на молодого царя, не исключено, что Филипп действовал в Греции как союзник, во всяком случае на первом этапе своего правления. Именно в качестве гегемона поспешил Филипп в Грецию, узнав о смутах в Пелопоннесе.

Что касается этолийцев, то после битвы при Кафиях, понимая близость войны, они стремились всеми силами ослабить позиции противника в Пелопоннесе. Отчасти им это удалось. Элида была давним союзником Этолии, так же как и Фигалея. Мессения, перешедшая на сторону Эллинской лиги, была напугана вторжением Доримаха и разгромом ахейян при Кафиях до такой степени, что не посмела провозгласить войну Этолийскому союзу (Polyb. IV. 31. 1). Арату пришлось приложить много усилий, вплоть до государственного переворота в Мессении, чтобы заставить граждан изменить позицию¹⁹.

Спарта, потерпевшая поражение в Клеоменовой войне, начала переговоры с этолианами и была готова выступить на их стороне, как покажут дальнейшие события Союзнической войны (Polyb. IV. 35–36). Кинефа была разграблена и уничтожена, Клейтор потерял силы, отбивая атаки этолян. Таким образом, к началу войны этоляне провели значительную подготовительную работу, ослабив своего противника. С этой точки зрения, инцидент в Киневе вовсе не выглядит очередной этолийской авантюрой. Напротив, эта акция была хорошо продумана и организована.

Учитывая, вероятно, опыт прошлого похода, этолийцы смогли разобщить силы своих противников. В битве при Кафиях им противостояли ахейцы и македонский отряд Тавриона под общим руководством Арата (Polyb. IV. 12. 2). К сожалению, военные способности Арата оказались намного слабее дипломатических. Вероятно, при Киневе Доримах не опасался встречи с ахейским войском. Угрозу для него мог представлять Таврион. Поэтому перед походом Доримах и вел переговоры со спартанцами. Естественно, что полностью в тайне их скрыть не удалось. Наместник Спарты Брахилл²⁰ должен был известить о них Тавриона, а тот, в свою очередь, поставил в известность царя Филиппа. Вероятно, эти события отвлекли внимание Тавриона от нового вторжения. Не имея в своем распоряжении достаточно сил, чтобы разделить их между двумя очагами волнений, Таврион предпочел оставить их у себя для предотвращения возможного восстания в Спарте или соединения сил противников. А для помощи ахейцам он пытался привлечь Деметрия Фарского, хотя и безрезультатно.

Этим пристальным вниманием к спартанским делам можно объяснить и выступление македонского царя. Едва ли он смог бы прибыть в Пелопоннес вскоре после ухода этолян, если бы откликнулся на призыв Арата. Скорее всего, набор войска и продвижение на юг были вызваны более ранним сообщением Тавриона о смутах в Спарте. Именно туда направлялся македонский царь, когда по дороге получил известие о нападении этолян на Кинефу. Действуя как гегемон лиги, он предпочел не вмешиваться в дела Спарты, поскольку формального выступления против лиги не произошло. Также и вопрос об этолянах он предпочел решать законным путем: решение должен был принять синедрион.

Учитывая изложенное выше, вполне объяснимым становится и бездействие Арата в этом инциденте. Выступать против этолян без македонских сил, оставив в тылу

¹⁸ На момент заключения союза Антигон Досон фактически не контролировал Грецию, а в 224 г. ему предоставилась заманчивая перспектива вновь распространить свое влияние южнее Фермопил. Неудивительно, что и впоследствии греки вспоминали Антигона как «правителя мягкого и справедливого».

¹⁹ См. о событиях в Мессении накануне Союзнической войны: Polyb. VII. 10. 1; Roebuck. Op. cit. P. 81 ff.; Mendels D. Messene 215 B.C. An Enigmatic Revolution // Historia. 1980. 29. P. 247 ff.; Сивкина Н.Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н.э. // Античный мир. Материалы науч. конф. Белгород, 1999. С. 34 сл.

²⁰ Антигон оставил в Пелопоннесе царского представителя Тавриона (Polyb. IV. 6. 4; 87. 8); ему, вероятно, подчинялся уполномоченный по делам Спарты (ἐπιστάτης) беотиец Брахилл (ibid. XX. 5. 12) (Самохина. Панэллинская идея... С. 117).

недовольных мессенян и готовых к восстанию спартанцев, было довольно рискованным мероприятием, тем более, если учесть слабые полководческие способности стратега ахейян. Зная о приближении Филиппа, Арат предпочел дожидаться его прибытия и совместно урегулировать отношения с союзниками.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что обе стороны накануне войны добились поставленных целей. Понимая близость военных действий, этолийцы в ходе двух рейдов в Пелопоннес серьезно ослабили противника, что, в конечном счете, сказалось и на ходе войны. С другой стороны, на заседании синедров в Коринфе было принято ожидаемое Аратом решение об объявлении войны Этолийскому союзу (Polyb. IV. 25. 1–5), в которую, согласно его замыслам, вступал не один Ахейский союз, а вся Эллинская лига.

TWO AETOLIAN RAIDS TO THE PELOPONNESE ON THE EVE OF THE SOCIAL WAR OF 220–217 BC

N.Yu. Sivkina

The paper describes political events on the Peloponnese on the eve of the war between Achaean and Aetolian Leagues which took place in 220–217 BC and, in particular, two raids to the Peloponnese undertaken by the Aetolians in 220 BC. One of them ended with the battle of Caphiae where the Achaeans were defeated, and the other lead to the destruction of Cinaetha. The author considers that in the course of these two raids military power of the Achaeans was seriously undermined by the Aetolians and that this fact eventually counted very much in the course of the Social War. On the other hand, the meeting of synedroi in Corinthus took a decision to declare war on the Aetolian League, and this war was waged not only by the Achaean League, but by the whole of the Hellenic League.